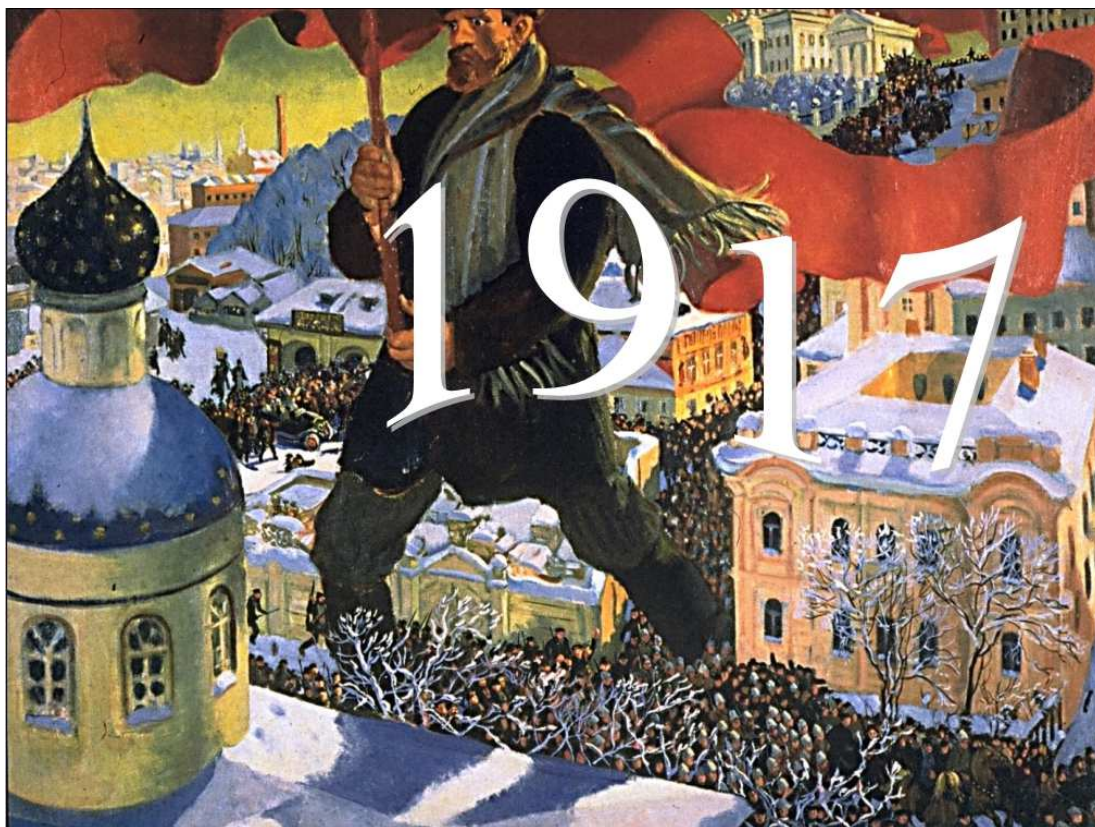

Тема 9. Февральская и Октябрьская революции 1917 года. Либералы, советы и большевизм

Провал «жесткого» регулирования.

Города испытывали характерный для военного времени рост дороговизны. Положение усугубил неурожай 1916 г. Множились слухи, что к зиме цены вырастут десятикратно. Производители (и помещики, и крестьяне) фактически приостановили продажу хлеба. Осенью 1916 г. наиболее сильная инфляция была в Центральном промышленном районе и на Северо-Западе – как раз в тех промышленных губерниях, которые жили привозным хлебом. К концу 1916 г. рыночная торговля там оказалась почти полностью парализованной.

До этого момента бюджетный комитет Государственной думы, представлявший интересы помещиков, еще довольно успешно сопротивлялся введению твердых цен на продовольствие. Теперь по требованию Госсовета твердые цены были введены (9 сентября 1916 г.), и даже рассматривался проект введения в городах карточной системы.

В Российской империи централизованное уравнилельное распределение в городах было наименее выражено, что отличало ее от других воюющих стран. В тех городах, где карточную систему распределения всё же ввели, продажа продуктов по карточкам составляла лишь незначительное дополнение к свободной торговле. В момент сильного военного напряжения такое положение – признак беды: влиятельная часть общества толкает остальное население на войну, но сама отнюдь не желает разделить с ним военные тяготы. Элита Российской империи в сравнении с элитами других стран Антанты оказалась в этом отношении самой наглой и недалёковидной.

Угроза голода нависла и над действующей армией. Осенью 1916 г. была закуплена только треть количества хлеба, необходимого для снабжения войск.. И только после этого провала правительство отважилось покуситься на прибыли хлеботорговцев. Двадцать девятого ноября 1916 г. вышло постановление о введении *продразверстки*: для

каждой губернии устанавливался объем государственных закупок по твердым ценам, затем он распределялся («развёрстывался») по уездам и волостям.

Однако и помещики, и крестьянские общины отказывались выполнить требования разверстки. Попытки прямого изъятия хлеба государством с общинных складов («магазинов») привели к бурным протестам и даже столкновениям крестьян с полицией. Тут-то и выяснилось, что царское правительство не имеет сил для прямого изъятия продовольствия. Полиция? Малочисленна, и не имеет шансов совладать с большими толпами. Казаки? Они всё чаще отказываются разгонять женские голодные манифестации. Войска? Но большая их часть далеко на фронте, да и едва ли примут на себя карательные функции. Резервные гарнизоны городов? Но зачем им стараться собирать хлеб? Чтобы и их тоже, в конце концов, отправили на ненавистную войну?

К концу 1916 г. экономическое и административное бессилие правительства стали дополнять друг друга. 17 октября 1916 г. к забастовке рабочих Петрограда впервые присоединились солдаты одного из запасных полков, а казаки отказались атаковать восставших. Только императорская гвардия смогла разогнать протестную толпу. В докладах Департамента полиции четко формулируется прогноз: в ближайшее время произойдет стихийное ниспровержение политического порядка. Продразверстка царского правительства провалилась. Дело не наладилось и потом: за первую половину 1917 г. удалось собрать только пятую часть необходимого объема продовольствия.

Два проекта обуздания революционной стихии.

В верхах империи не собирались бездействовать. Во-первых, в 1916 г. в среде высших сановников созрел и был осуществлен заговор против Григория Распутина. «Святой старец» фактически участвовал в управлении Россией. Действуя от имени царя, он назначал министров, принимал решения о тех или иных фронтовых операциях и т.д.. Распутин был позором царского режима. Из-за этого фаворита царь растерял остатки авторитета в глазах народа. Во-вторых, правительство предприняло усилия для заключения сепаратного мира с Германией и всем Четверным союзом, дабы прекратить войну, вызвавшую такие беспорядки в стране. В-третьих, в недрах правительства началась подготовка к военному перевороту, результатом которого стало бы установления диктатуры.

Второй проект, направленный против революционной стихии, исходил от либеральной оппозиции, которую представляли в Думе кадеты и, в известной степени, октябристы. Если правительство ужасала перспектива потери власти, то для либеральной оппозиции наиболее неприемлем был выход России из войны, т.е. отказ от международных обязательств перед европейскими партнерами.

Ведь социальная база российских либералов – это крупные собственники, державшие свои капиталы в форме обширных земельных владений, заводов, фабрик, банков, печатных изданий и т.д. Для поддержания их общественного положения важно было не только сохранить административную управляемость полиции и армии, но и обеспечить прибыльность обменных операций на внутренних и внешних рынках.

Это представлялось возможным лишь в той мере, в какой удавалось сохранять членство русских промышленников и землевладельцев в составе международных финансово-промышленных групп. К началу Первой мировой войны деловой мир Европы раскололся на сторонников «старого» и «нового» европейского порядка. С одной стороны находился британский, французский, бельгийский бизнес, а с другой – германский. Конфликтующие интересы именно этих сторон во многом предопределили саму войну.

Участие России в этой экономической конфронтации характеризуют следующие цифры. В 1910-1912 гг. на долю германского финансового рынка приходилось 38,8% всех основанных в России банков, на долю английского – 4,4%, зато французского – 56,8%.

В это же время облигации займов стали размещать на западных рынках крупнейшие российские города (фактически городские собственники): Москва, Николаев,

Вильно, Петербург, Киев и др. Итогом острой борьбы мировых финансовых центров стало размещение займов российских городов в Великобритании.

На долю стран Антанты (Франции, Англии, Бельгии, США, Италии) приходилось 75% всех иностранных капиталов, вложенных в промышленность и финансы России. На долю германских и австрийских деловых центров – 20%. Ясно, на стороне какой части делового мира были русские держатели капиталов.

Понятно также, что во время войны для сохранения членства в мировом бизнесе российским либералам важно было сохранить Россию в составе Антанты – такую установку диктовал им экономический интерес. Вывод для думской либеральной оппозиции состоял в том, чтобы предотвратить стихийное восстание в стране и по возможности, возглавить протестное движение. В любом случае либералы стремились продолжить участие России в войне. Другими словами, они хотели бы, с одной стороны, прекратить все попытки правительства заключить *сепаратный мир*, а с другой – вынудить простонародье воевать дальше – «до победного конца». Эти стремления выражал «*Прогрессивный блок*», сформированный думской либеральной оппозицией в 1915 г.

Сначала оба проекта (и правительства, и оппозиции) развивались параллельно. Яркая оппозиционная речь П.Н. Милюкова 1 ноября 1916 г., в которой он обвинил премьер-министра Б.В.Штюрмера в измене, вынудила того уйти в отставку и способствовала прекращению сепаратных переговоров русского правительства с Германией. Правительственный «проект» предотвращения революции (заговор высших сановников империи) имел своим результатом убийство Распутина в декабре 1916 г.

Не помогло. Голодные бунты в городах и разложение армии на фронте продолжались. Уже 14 февраля 1917 г. лидер думской оппозиции Милюков и командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов одновременно обратились к питерским рабочим с призывом к спокойствию и повиновению властям. Их мало кто услышал. Накал радикальных настроений массы к тому моменту был таков, что их не в состоянии была выразить ни одна из основных политических партий России, в том числе и думская оппозиция.

23 февраля 1917 г. (праздник всемирного рабочего движения – международный женский день) манифестации женщин Петрограда с требованием «Хлеба!» вылились в очередную, беспрецедентную по массовости всеобщую рабочую стачку.

К тому времени в Петрограде скопилось 200 тыс. новобранцев запасных батальонов, которым в марте предстояло отправиться на фронт. Именно этих новобранцев правительство попыталось бросить на подавление очередного голодного бунта в столице. Аресты полицией активистов левых партий ни к чему не привели – сами эти активисты не управляли восстанием, а были лишь наблюдателями событий.

Перелом наступил, когда солдаты стали массово переходить на сторону народа. К 28 февраля руководившие подавлением беспорядков генералы оказались вовсе без подчиненных и, растерянные, сидели в здании Адмиралтейства, дожидаясь ареста.

Дело усугубилось тем, что новые попытки правительства пойти на сепаратный мир с Германией не удалось, 25 февраля Берлин отверг русские условия мира. Немцы надеялись, что Россия выйдет из войны без всяких условий. Действия правительства, направленные на сохранение прежнего порядка, оказались безрезультатными. Войска в Петрограде окончательно вышли из повиновения, а на международной арене царский кабинет больше не рассматривался как значимый партнер в переговорном процессе.

Оставался еще проект либеральной оппозиции – совладать с революционной стихией, возглавив её. Или иначе: заменить царский кабинет Государственной думой. Временный комитет Государственной думы, а затем и сформированное им Временное правительство занимали позицию «*непредрешенчества*». Они отказывались ясно и определенно высказывать свою позицию по главным вопросам революции: о мире (выходе России из войны), и о земле (решении проблемы безземелья и аграрного перенаселения). Либералы перекладывали решения на будущее Учредительное собрание.

Однако с выборами в Учредительное собрание Временное правительство не торопилось. Придя к власти в феврале 1917 г., оно только в июне (1917 г.) объявило дату выборов, первоначально назначив их на 17 сентября. Затем выборы были перенесены на 12 ноября. Возможно, для Временного правительства «учредилка» была чем-то вроде «морковки», за которой массы будут бежать до тех пор, пока не окончится война.

Между тем, война продолжалась. Лето 1917 г. принесло новые поражения русской армии. Одновременно обострялся кризис снабжения. Временному правительству, как и царскому, не удалось наладить централизованное снабжение воюющей страны. Лошади в армии почти не получали овса и были истощены, артиллерия утратила мобильность. Больше ни о каком наступлении не могло быть и речи. Хуже того! Попытка русского командования организовать отступление в Белоруссии и Прибалтике привела к потере почти всей тяжелой артиллерии. Теперь угроза Восточного фронта Четверному союзу стала вполне иллюзорной.

Советы и большевизм.

Вторую русскую революцию спровоцировали два фактора: (1) участие России в мировой войне, при неготовности элиты делить её тяготы с простонародьем, и (2) аграрное перенаселение, при неготовности землевладельцев идти на какие бы то ни было уступки для решения этой проблемы. Первый фактор стал причиной кризиса снабжения городов, второй привел к выходу из повиновения властям солдатской (читай: крестьянской) массы, которая даже в прекращении войны не видела существенного облегчения своего положения.

Однако с началом революции вполне обнаружился и третий фактор, придавший ей стихийную силу: ни одна политическая сила империи не была способна стать представителем народных масс, настроенных исключительно радикально. В феврале 1917 г. «власть валялась на улице» не потому, что некому было её подобрать, а потому что правительственные деятели в интересах удержания власти должны были взять на себя такие обязательства, которые ни само правительство, ни легальные оппозиционные партии не считали для себя приемлемыми.

Царское правительство, как и правые партии, плоть от плоти родовитого поместного дворянства, не могли начать наступление на права крупных землевладельцев, и не могли начать сепаратные переговоры о мире до тех пор, пока не наступил явный крах их политики. Возможно, к этому моменту они и готовы были прозреть, но было уже поздно.

Русские либералы, прочно связанные с финансово-промышленными кругами Антанты, тоже были несвободны: для них попытка прекратить войну («предать союзников») означала бы вычеркивание из списка представителей делового мира Запада. Влиятельная часть либералов состояла из тех же землевладельцев, которые, как умели, затягивали решение земельного вопроса. Половина помещичьих земельных владений была к тому же заложена в банках, почти сплошь принадлежащих иностранцам, и если бы земля подверглась отчуждению, западные банкиры (зарубежные друзья русских либералов) тут же разорились бы.

Одно только и оставалось: чтобы к решению вопросов о земле и мире приступили радикалы. Они были в наличии, хотя большая часть из них находилась в вынужденной эмиграции. Но и с радикалами дело обстояло не просто.

Казалось бы, сделав требования народа своей программой, радикалы ничем не рискуют и ничем не поступаются. Однако это не так. Дело в том, что русские радикалы, как и большинство их европейских собратьев, – это партии социалистического толка. В том или ином виде они привержены учению Маркса. В соответствии с классическим марксизмом, Российская империя – страна, мало созревшая для этапа пролетарской революции, для упразднения в ходе разворачивания революции эксплуататорских классов – одного из основных условий социализма.

Трудность состояла в том, что промышленный сектор составлял лишь небольшую часть хозяйства России, а наемные рабочие («пролетариат») – сравнительно небольшую часть населения. Крестьянское же большинство народа марксисты относили к слою мелкой буржуазии, ведь каждый крестьянин обладал клочком земли и производственным инвентарём (собственностью на средства производства). Логика марксистского анализа подсказывала: крестьянским мелким собственникам еще только предстояло настоящее расслоение, в процессе которого одни должны были разориться и превратиться в пролетариев, другие – обогатиться и стать капиталистами.

О том же говорил и исторический опыт Европы: расслоение мелкой буржуазии происходило там через буржуазно-демократические революции, в ходе которых буржуазия отнимала власть у старой земельной аристократии. И только после этого начинался настоящий рост численности пролетариата. И только после буржуазно-демократических революций оказывались по-настоящему востребованными социалистические партии.

Значит, черед социалистов придет не раньше, чем буржуазия возьмет всю власть в свои руки, а крестьянство исчезнет как класс. До наступления этого момента всё, что может делать настоящий социалист – это не жалеть сил для подталкивания буржуазно-демократической революции к ее крайним пределам и приветствовать быстрое развитие капитализма в России.

Русские радикалы, в отличие от русской буржуазии, не были связаны обязательствами перед западными деловыми кругами, но они были крепко идейно привязаны к марксизму – мировоззрению исторического возвышения пролетариата через буржуазно-демократическую и лишь потом – через социалистическую революцию. Такого мировоззрения придерживалась европейская радикалистская политическая оппозиция. Не удивительно, что в начале Февральской революции отечественные радикалы без оговорок двигались в фарватере либеральной политики.

В это время наряду с Временным комитетом Госдумы – осколком царского политического порядка – вновь, как и в 1905 г., возникли органы местного управления – советы, которые довольно быстро стали оплотом радикальных партий. Протестующее население, безусловно, доверяло радикалам больше, чем «министрам-капиталистам».

И что же? Народный кредит доверия радикалы (социал-демократы и эсеры) стали тратить на поддержку Временного правительства (где как раз и сидела буржуазия, которая, с точки зрения ортодоксальных социалистов, должна была взять власть). Правда, эсеры имели свои представления о характере русской революции. Они не считали крестьян частью буржуазии и как раз именно на крестьян возлагали свои социалистические надежды. Впрочем, на практике эсеры также отдавали дань классическому марксистскому учению и поддерживали «министров-капиталистов».

В первый период революции (примерно полгода) советы, почти сплошь состоявшие из социал-демократов и эсеров, старались быть надёжной подпоркой для Временного правительства, и подставляли ему плечо каждый раз, когда в стране происходил политический кризис, то есть, когда население в очередной раз выражало недоверие Временному правительству.

Альтернатива их политике поддержки Временного правительства появилась с возвращением из эмиграции лидера большевистской фракции социал-демократов В.И.Ленина. В начале апреля 1917 г. Ленин выступил со своими знаменитыми тезисами. Суть «Апрельских тезисов» состояла в том, что: (1) буржуазно-демократическая революция *уже победила* – поскольку страна обрела все буржуазные свободы, а вопрос о власти решен в пользу буржуазного Временного правительства; (2) буржуазно-демократическая революция *уже начала перерастать* в пролетарскую, социалистическую революцию – поскольку созданы советы рабочих и солдатских депутатов – органы пролетарской власти.

Теперь настоящие социалисты должны не поддерживать Временное правительство, а мобилизовать всю свою энергию на передачу всей полноты власти советам.

Выходило, что Ленин предлагал теперь не поддерживать развитие в России капитализма, а во что бы то ни стало воспрепятствовать его разрастанию, пресечь его в корне, используя для этого союз рабочего класса и солдат (тех же крестьян). С точки зрения многих социал-демократов, Ленин фактически встал на позиции народников, стремившихся избежать капиталистического этапа развития. Первоначально «Апрельские тезисы» не нашли поддержки у большинства сторонников Ленина. Считалось, что Ленин неожиданно предложил порвать с европейской революционной традицией, противопоставить русскую практику европейскому революционному опыту и социалистическим оппозиционным партиям Европы.

Но низовой состав партии большевиков, нечувствительный к этим теоретическим тонкостям, довольно быстро принял ленинские тезисы как программу действия – ведь в таком виде она резко упрощала ситуацию и сближала большевиков с радикально настроенным населением.

Однако кроме большевиков в России были и другие социалисты – меньшевики и эсеры, и именно они преобладали в советах. В июне 1917 г. Первый съезд Советов большинством голосов поддержал буржуазное Временное правительство и отклонил требование большевиков прекратить войну и взять всю власть в стране в руки съезда.

На самом деле, позиция Ленина отличалась политическим реализмом и состояла примерно в следующем. Если твой политический союзник (эсеры и меньшевики) выдвинул радикальную программу действий, но не спешит её выполнять (более того – сопротивляется попыткам принудить себя к её выполнению), то такой союзник – политический популист, который на деле тянет время – а время работает на твоих врагов.

Именно такой популизм большевики увидели вскоре у правых эсеров, когда, выдвинув программу социализации земли, те покинули в октябре 1917 г. принявший эту программу победоносный Второй съезд Советов, а потом, отказавшись от коалиции с большевиками, примкнули к «белым» – только бы не брать на себя ответственность.

То же у меньшевиков. После октября 1917 г. лидеры меньшевиков Мартов, Либбер, Дан крайне резко критикуют Ленина и его партию, но – они растеряны. Кажется, меньшевикам совершенно ясно: начав борьбу с Временным правительством, большевики поступают неправильно. Но они видят и другое: большевиков и ту массу рабочих, солдат и крестьянской бедноты, которая их поддерживает, может победить только контрреволюционная диктатура. Эта диктатура одновременно раздавит и всех остальных социалистов, да, пожалуй, и либералов.

Осенью 1917 г. лидеры эсеров и меньшевиков молчаливо признавали, что в отношении народной поддержки с большевиками не может сравниться ни одна другая левая партия. Но если это так (а большевики всё равно неправы), то выходит, что народное большинство заблуждается. Тогда – как пересилить это большинство и перевести его на «правильный путь», не имея собственных сил для принуждения народа к «правильному поведению»? Вывод очевиден: надо дожидаться, пока в стране сформируется лагерь контрреволюции – и примкнуть к нему. Правда, тогда придется отказаться от социализма.

Колебались даже видные большевики. Открывая Второй съезд Советов, Л.Б. Каменев (короткое время – председатель советского ВЦИК) заметил: «Ну что же, если сделали глупость и взяли власть, то надо составлять министерство». Что же говорить о представителях других левых партий! Демонстративно уйдя со Второго съезда Советов, меньшевики и правые эсеры так и не могли потом объяснить даже самим себе, куда они ушли и почему так поступили?

«Тайна» эсеров-меньшевистского ухода с советского съезда сводится к следующему. Эти левые интеллектуалы полагали, что роль радикалов в революции состоит в том, чтобы «выводить на улицу народ», быть популистами, как бы

«массовиками-затейниками» революции. А принимать решения, составлять правительства и т.д. – всё это следует доверить либеральной части «революционного лагеря».

Подобное «разделение полномочий» повелось в Европе еще с революции 1848 г., и в неявном виде было закреплено марксистским учением. Разумеется, рассуждали эти люди, где-то там, в далёком будущем всех ожидает полное освобождение труда, мир без эксплуатации. Но на данном этапе, но пока... Пока следует поручить создание правительства либералам, и пусть они разбираются в ходе событий.

В результате проходивших по такой схеме революций у власти неизменно оказывалась диктатура консерваторов, а «революционный лагерь» терпел поражение. Так было в европейских революциях, так и в революции 1905 г. Так должно было случиться и в 1917 г.: корниловский поход на Петроград был назван мятежом потому, что потерпел поражение. А ведь победы Корнилов – и состоялась бы обычная правая диктатура. И мятежный генерал победил бы, если бы в уже знакомой модели революции не появился новый элемент – *большевизм*.

Большевизм как политическая партия и течение политической мысли возник тогда, когда российские радикалы отказались идти в русле намерений либералов. Большевики следовали историческому примеру *якобинцев* (Французская революция) или *коммунаров* (Парижская коммуна). Но, в отличие от якобинцев и коммунаров большевики одержали победу. Это произошло впервые в истории и открыло новую главу в учебнике революции, которую следовало бы назвать: «Что бывает, если радикалы добиваются монополии на власть?».

Схематично краткий итог изложенного можно представить так.

Снова, как и в ходе предыдущих революций, радикалы и либералы составляют коалицию в той мере, в какой не чувствуют себя по отдельности серьезной силой (1,2). Как и прежде, цели тех и других диаметрально противоположны (3). Как и прежде, либералы стараются последовательно добиться своих целей, полагая, что это усилит их позиции (4). Радикалы, напротив, не стремятся выполнять решительные и далеко идущие требования тех, чьи интересы они представляют, поскольку чувствуют, что это ослабит их собственные позиции (5). (уже отмечалась неприспособленность радикалов к постреволюционной парламентской борьбе). Как и прежде, единственный способ выйти из противоречия радикалы видели в том, чтобы сохранять коалицию. Считалось, что сотрудничество советов с Временным правительством вплоть до Учредительного собрания позволит либералам достичь своих целей, а радикалам – не достичь своих (6, 7).

Продолжим схему. В недрах правительства зреет военный переворот, следствием которого станет торжество новой «партии порядка» (в прошлый раз это было правительство Столыпина, на этот раз – военная клика Корнилова). Переворот загонит радикалов обратно в подполье (8), и сохранить «общественные устои» (9). Сигналом для начала привычного, отработанного в ходе предшествующих революций действия консерваторов-реакционеров должен стать раскол революционной коалиции в пользу либералов (10), далее последует переход основной массы либералов на контрреволюционные позиции «партии порядка» (11). Так это было раньше.

Однако теперь (в 1917 г., в отличие от 1905 г.) сил «революционной коалиции» оказывается недостаточно для удержания крестьян-солдат на фронтах мировой войны, и тем более – для победного завершения войны: зависимости, отмеченные на схеме № 4 и № 7 не сработали, и не привели к усилению позиций либералов.

Формально летом 1917 г. «революционная коалиция» раскололась, и Временное правительство повело наступление на позиции советов. Однако трудно было ликвидировать советы или полностью привязать их к правительственной власти, не достигнув главных целей, ради которых было отстранено от власти царское правительство – оставить Россию в составе Антанты и «заморозить» аграрный вопрос.

На слабость и зависимость от позиции советов указывает поведение Временного правительства в ходе корниловского мятежа. Правительство вместе с советами стало

бороться с мятежом, противореча логике контрреволюции (№ 11 фиксирует усиление партии порядка от присоединения к ней либералов). Видно, что либералы не могут усилиться в новых условиях и не могут покинуть «революционную коалицию». Поэтому они и цепляются за неё до последнего, надеясь, что дело решит Учредительное собрание¹.

Рисунок...

Казалось бы, по логике данной схемы радикалы должны без конца идти на уступки в интересах коалиции – вплоть до своего политического банкротства. Однако этого не происходит, коалиция всё-таки раскалывается. Но на сей раз – в пользу левых сил.

Дело в том, что среди левых возникает собственное размежевание.

Коалиция левых сил имеет тот же механизм самоподдержки, что и «революционная коалиция» в широком смысле (см. ниже рисунок раскола коалиции левых сил).

Меньшевики, большевики и эсеры сотрудничают до тех пор, пока каждая из этих партий в отдельности не может чувствовать себя самостоятельной силой (1, 2). В этих условиях предстоящее Учредительное собрание, как ожидается, должно закрепить их сотрудничество (3).

Размежевание этих трех партий происходит по поводу основных требований народного большинства: (1) выход России из войны и (2) ликвидация частной собственности на землю. Меньшевики, считающие себя правоверными марксистами, не могут допустить «черного передела» в пользу крестьян: уравнильный передел земли

¹ Голосование за депутатов в Учредительное собрание проводилось по старым спискам, которые не отражали ни нового веса политических партий, ни той обстановки, которые сложились по итогам Октябрьской революции 1917 г. Известно, что большинство мест в Учредительном собрании получила партия эсеров. Однако – каких эсеров? На съезде 19-28 ноября 1917 г. левые и правые эсеры раскололись на две отдельные партии, причем левые эсеры были многочисленнее. В списке Учредительного собрания, напротив, преобладали представители правых эсеров, которые фактически присвоили себе голоса обеих партий. Вспомним: покинув Второй съезд Советов, правые эсеры отказались претворять в жизнь собственную идею социализации земли. За кого же тогда проголосовало большинство крестьянского населения? За тех, кто согласился отменить право собственности на землю, передать её в общее пользование – или за тех, кто отказался это сделать? Парадоксально, но факт: крестьянские голоса достались правым эсерам.

отдалял бы наступление в России капитализма и, следовательно, идущего вслед за капитализмом пролетарского этапа революции.

Требование немедленного выхода России из войны противоречило «революционному оборончеству» эсеров, в идеологии которых была ярко выражена национал-патриотическая составляющая.

Радикализм простонародья, таким образом, подрывал позиции этой части левых сил (4). В то же время те социал-демократы (прежде всего, большевики), которых убедили «Апрельские тезисы» Ленина теперь могли не волноваться: власть буржуазии в России уже победила, буржуазная республика фактически уже существует. «Черный передел» помешает завершению буржуазного этапа революции? Но при желании «черный передел» можно представить и как первые шаги в построении коммунизма.

Части эсеров (левые эсеры) импонировало фактическое обращение к традициям революционного народничества: не подталкивать капитализм, а пресечь его развитие. Потому они на какое-то время и примкнули к большевикам.

Те, кто принял «Апрельские тезисы» как программу, больше не имели идеологических противоречий с установками народного большинства. Эта часть радикалов впервые в истории революций попала в ситуацию, когда их позиции усиливались по мере воплощения в жизнь их же установок (5).

Очень важную роль здесь сыграли советы – они обеспечивали радикалам возможность прямой связи с народным большинством в обход всех старых институтов царского и думского управления страной, приспособленных как раз для либералов.

Развитию революции способствует размежевание (раскол) среди радикалов. Напротив, чем дольше сохраняется коалиция радикалов, тем дольше основные вопросы этой революции находятся в подвешенном состоянии (6)

Раскол на правых и левых радикалов отражается и на отношении к Учредительному собранию. Меньшевики и правые эсеры поддерживали Учредительное собрание, поскольку там были представлены также либералы, препятствовавшие выполнению радикалистских политических установок (немедленный мир и «чёрный передел») (7).

Большевики же и левые эсеры, в большей степени связанные с радикализмом широких слоев населения, пошли на конфликт с «Учредилкой», имея безоговорочную поддержку в советах. Благодаря советам, у них возникла возможность усилить свои

Почему в 1917 году «революционная коалиция» раскололась в пользу «левых» сил?

позиции без коалиции с правыми (8).

Условия монополии социалистов-радикалов на власть.

Большевизм как явление очень скоро стал достоянием не одной только России. Между 1918 и 1920 гг. в Европе возникло восемь советских республик, которые просуществовали разное время – от считанных недель (Эльзасская Советская Республика во Франции и Советский Лимерик в

Ирландии) до нескольких месяцев (Венгерская Советская Республика).

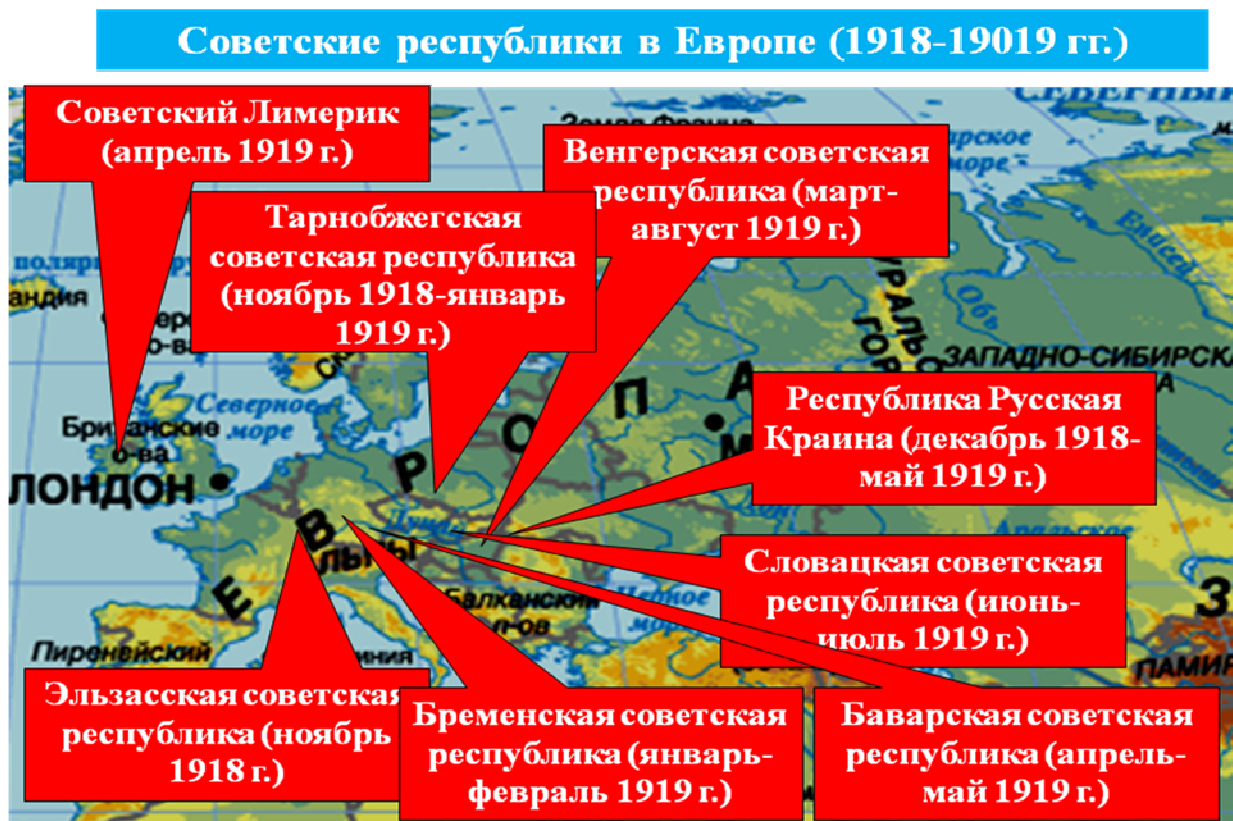

Рисунок...

Во всех восьми случаях инициаторами были группы местных радикалов, которые увидели: прошел уже год, а советская власть в России держится. Значит, стратегия русских радикалов – правильная. Эту стратегию, получившую в Европе название «большевизм», они и старались заимствовать.

Стратегию большевизма можно выразить в следующих пунктах:

- 1) Большевистские радикалы, в отличие от прежних европейских революций, не пытаются вступить в коалицию с либералами, не ждут «всеобщих выборов», созывов законодательных собраний. Левые радикалы стремятся сами захватить власть.
- 2) Формируя правительство, эти революционеры организуют и поддерживают четкую командную иерархию, обеспечивают безусловное подчинение не партийного, а военного типа.
- 3) Большевики заявляют, что их правительство выступает как оплот борьбы с силами *империализма*, то есть прямо позиционируют себя как противники стран-лидеров мировой системы. Этим они ставят вне закона местных либералов и в то же время затрудняют вмешательство внешних сил в политический курс своей республики.

Леворадикальное правительство быстро приступает к *радикальным реформам*, т. е. расширяет доступ всем слоям общества к ресурсам этого общества.

Бросается в глаза *первое условие* прихода к власти правительства большевистского типа: везде, где в Европе были провозглашены советские республики, либералы самоустраились с политической арены, предоставив радикалам свободу действий.

Это была своеобразная попытка либерального давления на лидеров мировой политики: «Вы не хотите учитывать наши интересы? Тогда берегитесь – в нашей стране будет так же ужасно, как в России!». Именно в пик стран Антанты правитель Венгрии граф Каройи прямо передал власть левым партиям.

Обратим внимание на то, что все европейские советские республики возникли на территории стран, побежденных в Первой мировой войне. За исключением Ирландии, где провозглашение советской республики было, прежде всего, актом *сепаратизма* в отношении Британии.

Второе условие возникновения советских республик в Европе связано с тем, насколько население данной страны разделяет настроения и взгляды радикалов. Здесь, как видно, действует следующая закономерность. Советы рухнули повсюду в Европе. Однако только Венгерская республика и республика Руськой Краины (восток Европы) были ликвидированы в ходе военной интервенции Антанты и масштабных кровопролитных боёв. История советских республик показала, что на востоке Европы советы пали трудно, в тяжелых вооруженных столкновениях, а на европейском западе происходили только незначительные стычки или советская власть упразднялась мирным путем.

Дело, конечно, не в географии, а в том, какое место в мир-экономике занимала данная страна накануне политического переворота. Венгрия – это осколок Австро-Венгерской империи; венгерская экономика, как и российская, оставалась периферийной, аграрно-сырьевой. В политической сфере Венгрии, как и в России, господствующее положение занимала землевладельческая аристократия. Низкая прибыльность аграрного экспорта и высокие запросы потребления аристократии превращали модернизацию страны в весьма затратное предприятие, которое тяжелым бременем ложилось на простой народ. Чрезмерные экономические тяготы, как и в России, стали в Австро-Венгрии причиной радикализации массовых настроений. Именно этим объясняется ощутимая поддержка населением венгерских «большевиков».

В российском опыте первое условие (пассивность либералов) оказалось в большой зависимости от второго (степени радикализации массы). Российские либералы не «ушли в тень», как в Баварии, Эльзасе или Венгрии. Активно настаивая на продолжении участия России в войне, они утратили доверие простых людей и тем самым обрекли себя на политическую изоляцию.

Радикальность же массовых требований в России превосходила всё, чего добивались народы Европы от своих политиков. Чего стоит одно только требование: не передать часть помещичьей земли в собственность крестьян, а в принципе отменить чье-либо право собственности на землю! Допустить всех, а не только собственников, к пользованию этим ресурсом – землей. Или отношение к войне. Не война до победного конца, и даже не *оборончество* («воюем, пока не вернем назад оккупированные земли»), а – немедленное прекращение войны, братание с противником и демобилизация армии!

Левые радикалы (большевики и правые эсеры) решительно отказали либералам в поддержке. С этим не смогли смириться меньшевики и правые эсеры. Они просто отшатнулись от левых. Оставшиеся после ухода меньшевиков и правых эсеров со Второго съезда Советов радикалы попробовали выполнить требования народа. В той мере, в какой большевики и левые эсеры могли выполнить знаменитые ленинские декреты (прежде всего, декреты о земле и о мире) советская власть и смогла получить поддержку большинства населения.

ЗАДАНИЯ

Вспомните определения

- ✓ «Прогрессивный блок»
- ✓ пролетариат
- ✓ большевики
- ✓ меньшевики
- ✓ революция
- ✓ социализация земли
- ✓ коалиция
- ✓ корниловский мятеж
- ✓ якобинцы
- ✓ парижские коммунары
- ✓ «черный передел»
- ✓ оборончество

Дайте определения

- ✓ продразверстка
- ✓ сепаратный мир
- ✓ Учредительное собрание
- ✓ популизм
- ✓ радикальные реформы
- ✓ сепаратизм

Подготовьте сообщения

- ✓ Синьхайская революция 1911 г. в Китае
- ✓ Мексиканская революция 1910 г.
- ✓ Февральская революция в России: ход событий.
- ✓ Мятеж генерала Корнилова и его последствия.
- ✓ Первый и второй всероссийские съезды Советов: что там происходило?

Выберите тему микро эссе

- ✓ Социализм: суть проекта.
- ✓ Классическая марксистская схема революции: в чем ее нарушили большевики?